

ТРИ КАСТЫ

«ВИНЕР ФИЛАРМОНИКЕР»

Музыканты оркестра совещаются и играют

Вадим Журавлев

Визит

«В ИНЕР филармоникер» вот уже полторы сотни лет не перестает удивлять слушателей своим прекрасным звуком, равно как и консервативными порядками. И если очередь за билетами на стоячие места в Оперу — единственная, которую мне удалось наблюдать в Вене, то оркестр Венской филармонии, безусловно, самый «недемократический» в «колыбели» европейской демократии.

«Винер филармоникер» — оркестр частный, к тому же прекрасно существующий без главного дирижера. Оркестранты составляют своего рода касту, поэтому молодые должны ждать, простите, смерти кого-нибудь из старых музыкантов оркестра. Но в мире мало кто так работает, как этот оркестр. Каждый вечер он принимает участие в спектаклях Штаатсопер, кроме того имеет собственный абонемент в венском «Музикферайн», проводит многочисленные гастроли по всему свету, записи на компакт-диски. У музыкантов десятилетиями не бывает отпусков (по этой причине в оркестре не играют женщины, которые, как известно, имеют обыкновение «ходить в декрет») и нет никаких социальных льгот. Но большая зарплата. Ну очень большая. Зато, как служащие Оперы, они имеют пенсию и мизерный оклад. И государству выгодно, да и оркестр освобожден от отчислений в пенсионный фонд. Все жизненно важные вопросы — от гастрольных маршрутов до репертуара и приглашения дирижеров — оркестр Венской филармонии решает на общем собрании.

Каста дирижеров, допущенных в «Винер филармоникер», всю жизнь ведущего негласную борьбу со своим тезкой из Берлина за право называться лучшим оркестром мира, малочисленна, как нигде. Правда, в этом году с оркестром начали выступать и дирижеры младшего поколения (Саймон Рэттл), планируется пригласить сюда и хорошо известного петербургской публике Мариса Янсона. Максимум «современности», который себе позволяют оркестранты, — это XX век между Рихардом Штраусом и Сергеем Прокофьевым.

Самым большим нападкам в Ве-

не подвергается система продажи билетов на концерты оркестра. Вернее, их «непродажи», поскольку абонементы передаются из поколения в поколение на протяжении уже ста пятидесяти лет, и попасть в касту абонементодержателей практически невозможно. Правда, в начале сезона продаются «стоячие» абонементы, но они проблемы не решают. Билетов для прессы не существует в природе, так как все венские журналисты имеют абонементы, доставшиеся им от родителей. И счастью моему не было предела, когда специально для журналиста из России пресс-

Андре Превин.

атташе оркестра господин Шустер, играющий на ударных инструментах (кроме должности бухгалтера и трех секретарей все остальные административные обязанности исполняют сами музыканты), обзвонил своих постоянных посетителей и выяснил, кто из них не придет. Таким образом я стал обладателем счастливого билета на концерт «Винер филармоникер», за что признателен и г-ну Шустеру, и всем музыкантам.

Сжимая билет, я продаюсь сквозь толпу «стрелков», забираюсь на галерку роскошного «Музикферайн» и с первыми тактами музыки забываю обо всех кастах и закулисной кухне. Вот он, знаменитый венский звук, который сводит с ума своим сверкающим тембром, необыкновенной мягкостью и чистотой тона. В нем нет прямолинейности звучания американских «технарей», как и внутренней углубленности берлинцев. Здесь царствует чистая музыка, и прекрасен даже сам процесс из-

влечения звука из инструментов. Но вернусь к самому концерту, в котором Андре Превин дирижировал симфонией Гайдна «Медведь» и «Карминой бураной» Орфа.

Точно опытный, но чрезмерно энергичный экскурсовод, Превин увлек слушателей в путешествие по царству «звука», где на одном из почетных мест, среди произведений основателей венского симфонизма хранятся и симфонии Гайдна. Правда, «Медведь» был написан для Парижа, поэтому, видимо, особенно близок Превину, дирижировавшему с картезианской четкостью, но не выходящему при этом за рамки вечноэкскурсоводского «посмотрите налево», «посмотрите направо». А показать в симфонии было что: и звенящее вступление фанфар, и смесь изысканного менюэта с косолопой пляской увеселителя ярмарок. Но самое главное было в финале, который композитор посвятил отдельным группам инструментов. И здесь музыканты «Винер филармоникер» с честью могли продемонстрировать свои достижения, хотя «экспонат» этому так и не суждено было ожить.

Зато темперамент и спонтанность Превина очень пригодились при исполнении «Кармины бураны» Орфа, в которой отличались и «Арнольд-Шенберг-хор», и знаменитый хор мальчиков. Из неживых музейных залов оркестр и дирижер выводили слушателей на бескрайние просторы средневековья. Латинские и старонемецкие тексты звучали то как божественные откровения в величественном гимне «Колесо фортуны», то как дьявольский соблазн в фривольных песнях баварских студенческих братств. Отсутствие полифонии в партии хоров, удивительная песенная унисонность создавали «живые картины», и в финале, когда вновь звучало «Колесо фортуны», слушатели не могли остаться равнодушными.

Превин блестяще справлялся с богатым ритмическим строем «Кармины...», соединяя воедино блестящий хор и оркестр, огромные и сложнейшие сольные партии в исполнении Барбары Бонни, известной по обе стороны океана исполнительницы партий в операх Рихарда Штрауса и Энтони Майклса Мура. Роберт Гэмбилл с достоинством спел единственную теноровую арию, но рядом с великолепными музыкальными интерпретациями сопрано и баритона его достижения выглядели скромно.